

О церковной проповеди

В современных журналах, духовных и светских, очень часто затрагиваются вопросы о церковном проповедничестве. Все обсуждают дело проповедническое, признают его делом первой важности, сожалеют о безуспешности церковной проповеди и предлагают разные средства к оживлению её. Так как и нам дело проповедническое довольно близко и знакомо; то в настоящей статье мы, с своей стороны, обратим внимание как на причины безуспешности проповеди церковной, высказываемые в журналах, так и на средства к оживлению её. В «Православном обозрении» (№ 4, 1861 г.) главная причина безуспешности церковной проповеди полагается в семинарском образовании,¹ особенно в его отрешённости от жизни общества. Мы подробнее обсудим истинность этого положения, если посмотрим на то, как обучают писать проповеди в семинариях. Для этой цели, то есть для обучения проповедям, существует в семинариях Гомилетика, или собеседовательное богословие. Но это мера более формальная, чем полезная. Гомилетика изучается потому только, что велено изучать. Сами наставники парализуют пользу этой науки. В Гомилетике, например, есть трактат о выборе материи для церковного собеседования; а между тем ученику всегда почти даётся известный текст, даже известный предмет, о котором он должен беседовать, а нередко и самое расположение слова, в каком должны быть поставлены мысли. Нужно ли после этого заботиться ученику о выборе материи, когда уже всё готово к его услугам? И в чём же должна состоять теперь работа самого ученика? Он должен только развить подробнее данные ему мысли, в том порядке, в каком они находятся в расположении... При таком механизме составления проповеди развивается не душа будущего пастыря церкви, не чувство проповедническое, а только внешняя сторона. Ученик смотрит на проповедь с довольно сухой стороны, как на дело, необходимое потому только, что оно срочное, формальное. Он садится писать её так, как садится за какое-нибудь сухое рассуждение, даже ещё с большим принуждением для себя, потому что здесь он должен развивать те мысли, в которых иногда сам не убеждён и к которым не питает искреннего сочувствия. Назидательна ли будет его проповедь, близка ли к нуждам слушателей — об этом ему заботиться нечего; потому что у него слушателей нет в виду. Ему представляется один только слушатель — грозный, — это профессор, который будет читать проповедь и аттестовать её. Имея в виду одного только профессора, ученик хлопочет только о том, чтобы проповедь его была как-нибудь поумнее, посерьёзнее. Проповедь, и действительно, выходит иногда умная; но что это действительно *проповедь*, в собственном смысле этого слова, можно узнать только из надписи «Слово» да из звательных слов «благочестивые слушатели» или «братие». О чувстве проповедническом, о чистой любви к проповедуемой истине ученик знает только по слуху и выражает своё чувство по образцу читанных им проповедей, без разбору, в одних восклицаниях: ах, о, увы! Не привыкши к самодеятельности, не развивши в духе своём проповеднического вкуса и такта, не раскрывши любви к проповеданию слова Божия, ученик Семинарии делается наконец пастырем церкви. Вот теперь у него определённый круг

с. 290

с. 291

с. 292

*Свирилин, А. И. О церковной проповеди / А. И. Свирилин // *Дух христианина*. — 1861. — Декабрь (книга 4), отдел 1. — С. 290—311.

¹В «Православном обозрении» указываются и другие причины, производящие бесплодность проповеди церковной. В настоящей статье мы имеем в виду только главные причины бесплодности проповедей, имеющие прямое влияние на проповедь. Но не можем не обратить внимания на одну из внешних причин (на которую указывает «Православное обозрение») этой бесплодности — на отсутствие внешнего поощрения — на *недостаток внимания начальства к проповедническим трудам священников*. В самом деле, будь священник из отличных студентов, будь усердным проповедником, будь человеком влиятельным, по проповедям, на народ; но если он не имеет 35-ти лет отроду, считается недостойным к получению наград; тогда как второразрядный, имеющий в заслугах своих только достижение этой условной цифры, награждается и возвышается пред первым. Такой неестественный порядок может смутить и встревожить самого усердного проповедника и, пожалуй, охладить в нём любовь к проповеди.

слушателей, самых близких ему, — его пасомые. Что ж проповедь его? Увы! он не учился писать проповеди из любви к делу и слушателям, он писал их только для профессора, — и вот по тем же стопам, по той же указке, и теперь принимается он за дело проповедническое. И как готового расположения слова теперь нет у него; то он роется в книгах, тетрадях, чтобы отыскать на известный день проповедь, списать её целиком или несколько переделать на свой лад. Назидание слушателей своих опять для него дело стороннее. И теперь он хлопочет только о том, чтобы проповедь была написана по правилам семинарского искусства, с тем же неизменным приступом и заключением, чтобы свидетельствовала о его уме и образовании, — показывала его человеком учёным и мудрёным. Молодой пастырь церкви иногда очень доволен бывает, сам в себе, и тем, если его слушатели не поймут проповеди, а скажут только: «Вот так мудрёну ныне говорил батюшка проповедь, — видно, что учёный человек!» И так как нелегко достаётся это натянутое, бездушное проповедничество, то проповедь в церкви бывает довольно редко и составляет роскошь или наряд праздничного дня. Мы не говорим здесь о проповедях, сказываемых священниками в соборных церквях; мы имеем в виду только проповедь в церквях приходских. Проповеди в соборах, заметим мимоходом, бывают ещё неудачнее приходских. В приходе священник по крайней мере имеет в виду верных слушателей, на внимание которых он может ещё рассчитывать: в соборе проповедь бывает делом чисто официальным, одною внешнею формою, по наряду, по приказу. С великою неохотою, иногда с уроном для себя (особенно в рабочую пору) едет священник, вёрст за 40 и 50, проповедывать в соборе, из-за того только, что в случае опущения он подвергнется штрафу. — Ну, может ли невольное, по заказу слово произвести доброе действие? — Но обратимся опять к проповеди пастыря церкви в своём приходе. И эта проповедь, как видели, выходит то же, что семинарская проповедь, сухая, бесплодная. Вывести священника из этого замкнутого семинарского направления некому; он сам господин себе в этом деле. Есть у него ближайшее к делу проповеди лицо — это *цензор проповедей*: но лицо это тоже более официальное, чем в самом деле полезное. Во-первых, в цензоры часто попадают люди, которые сами мало знакомы и с проповедническим искусством, и с современным направлением разных слоёв общества. Во-вторых, деятельность их часто обнаруживается только в затверженных подписях: «слово сие слову Божию не противно, с словом Божиим согласно, читано, смотрено» — или в мелких, но колких заметках, большею частию несправедливых, смущающих самого усердного проповедника. Аттестованная так или иначе, проповедь несётся на кафедру церковную и сказывается. И так как цензор за свою должность не получает жалованья, — то обыкновенно он очень тяготится прочитывать проповеди, писанные не по назначению.¹ Таким образом, и в приходе своём пастырь церкви продолжает писать проповеди так же сухо, отвлечённо, безжизненно, как писал их и в Семинарии.

с. 293

Что же придумывают в журналах для оживления проповедей и что можно ещё придумать?

По мнению «Православного обозрения», надобно познакомить семинариста с жизнью общества, с жизненными нуждами паствы. Прекрасно! Да на каких же началах ввести это знакомство? В «Православном обозрении» не высказано этого; между тем решение этого вопроса чрезвычайно важно. Что будут значить правила без указания средств к выполнению их! Итак, что же сделать для этого? Ввести семинариста в круг светский? Но, во-первых, не у многих из них есть знакомые или родные светские, а если и есть, то светские из того же духовного звания, или светские не высшего класса, которые также и сами или мало знакомы с жизнью света, или не так понимают её, как следует. Большая же часть семинаристов вовсе не имеют никакого отношения к жизни общества и не могут изучить этой жизни. Во-вторых, и знакомство с светскою жизнью, если оно не будет проникнуто духом Христовым, высокою мыслию о будущем назначении пастыря церкви, может молодому юноше принести больше вреда, нежели пользы. Он увлечётся потоком светской жизни; у него охладает любовь к священному и охладает расположенность к проповеданию. В каждом курсе семинарском можно замечать несколько таких человек, так называемых франтов, и наблюдение показало очень незавидный результат их знакомства с светом. Холодно смотрели они на свои семинарские занятия, но не потому, чтобы считали неудовлетворительным семинарское образование, а потому только, что они говорили им совсем не о том, о чём натолковал им свет, — видели не то, что видели там. Те же франты уже и сами не считали себя способными быть в духовном звании и,

с. 294

¹В Санкт-Петербурге, впрочем, уже несколько лет назад священникам, получившим академическое образование, разрешено говорить проповеди в своих приходских церквях без предварительной цензуры. (Примечание редакции.)

привыкши к светскому обществу, сами выходили в светское звание. Что же можно придумать для ознакомления семинариста с жизнью общества при нынешнем, к сожалению, ещё так великом сословном разделении.

I. Не подавайте в самой школе повода ученикам к разъединению с обществом; не смотрите на светских как на отпадших чад, которых следует только карать с церковной кафедры; ни словом, ни примером не внушайте презрения к ним. Представьте и их детьми одной матери церкви, которая и их считает в своей семье и не отвергает их от себя, но с любовью принимает их в свои недра, когда они прибегают под кров её. Представьте и их наследниками благодатного царства, которое Господь Иисус Христос стяжал своею честною кровию. Посейте в сердце будущих пастырей любовь Христову, готовую терпеть и всех и всё. Ведь не за одних духовных принесена чистейшая кровь Сына Божия! Ведь и светские освящаются благодатными таинствами церковными! Отображение любвеобильного Духа Христова в душе семинариста приготовит его быть пастырем, право проповедующим слово истины. Не будет он знать светскости; но ему отдадут уважение за развитие лучшей стороны его духа, за тот общечеловеческий принцип, который будет находить во всём богатое содержание для духовной деятельности и неисчерпаемую пищу для высоких проявлений жизни духовной.

II. В том же духе любви изучайте жизнь народа по памятникам историческим; покажите, сколько крепких сил нравственных было у него прежде, и насколько он не сберёг их теперь. Перечитайте и обсудите старинные акты, взаимные договоры, письма, которыми наполнены монастыри и которые во многих местах лежат, ещё и теперь, без всякой пользы, преданные порче и гниению. Обратите внимание на эти важные документы. Сердце радуется, читая их. Сколько заключено в них теплоты русского сердца! Какое было доверие к слову другого, утверждённому именем Божиим! Как велик был глава семейства и какое беспрекословное послушание отдавали ему члены семейства! Какая чистая любовь была к царю и отечеству, какое благоговение к царскому слову, какое повиновение властям! Какое благоговейное чувство высказывалось ко всему священному, церковному! Раскройте это доброе чувство народа русского; ищите его и теперь; познакомьте, по тем же памятникам, и с пороками народа; смотрите за ними и теперь. Применительно к нравственному состоянию общества, напишите и начертайте нравственное богословие, оценивайте по правилам его прежнюю и нынешнюю жизнь народную во всех её проявлениях. Тогда будущий пастырь церкви будет знать, какое доброе чувство тронуть в своих пасомых, — на какой порок особенно обращать внимание.

с. 296

III. Познакомьте учеников, в том же духе, с современною литературою духовною и светскою. Что знакомство с духовною литературою полезно для будущего пастыря церкви — об этом нечего уже и говорить. Но и от знакомства с светскою литературою мы не видим существенного зла, даже удивимся, почему в некоторых местах воздвигнуто сильное гонение против неё. Не боятся ли того, как бы не развратился молодой человек, читая светские журналы? Но разве можно остановить зло, если оно и действительно есть, одним запрещением? Не будут читать открыто — прочитают непременно где-нибудь за углом. Ведь это непреложная истина, что мы стремимся к запрещённому и желаем непозволенного? Ведь это запрещение обязательно для ученика только тогда, когда он находится в глазах начальства; отпустили его домой, когда он кончил курс, волен он читать, что ему угодно; останавливать некому. Мы даже видим в этом запрещении больше зла, нежели добра. Не приготовленный, не знакомый с направлением светской литературы, ученик при удобном для него случае бросается на всё, что ни попадёт ему под руку, делает свой узкий взгляд на читанное и впадает в крайность, делается или уж очень бойким прогрессистом, или страшным пессимистом. Разлад с обществом усиливается в таком случае более и более. Не лучше ли, не полезнее ли будет ещё в школе познакомить ученика с добром и злом современным, литературно-светским? Познакомьте его не так, чтобы он сам читал всё, что ему будет угодно. Это плохо. Нет, — познакомьте его критически, философски, на основании Слова Божия и учения церкви: вот тогда-то будет даваться ему случай прилагать к делу и богословские свои знания. Потребуйте от самих учеников взгляда на ту или другую журнальную статью, особенно чем-нибудь замечательную, посудите вместе с ним о том и другом предмете. Рассуждайте с ним не о красотах только литературных, не о том только, что это поставлено не тут, а вот здесь бы следовало, — ищите не одной риторике, не логики только; а мысли, внутренней мысли в приложении к жизни. Пусть и здесь мысль о будущем высоком звании пастыря церкви никогда не покидает ученика; нужно, чтобы он ею воодушевлял свои занятия, для неё высасывал бы полезное из светской литературы.

с. 297

IV. Для знакомства с жизнью собственно *пасомых* очень богатый материал могли бы доставить сами пастыри церкви, в форме писем или заметок о своих прихожанах. Как ни много

- с. 298 в настоящее время выходит духовных журналов; но для пастыря церкви всё ещё нет простора для заявления своих мыслей и чувств. Некоторые из журналов составляют замкнутое достояние одних учебных мест — и доступ к ним пастырю почти невозможен. Другие редакции, хотя и открыли страницы своих журналов для пастырей; но связали свои журналы учёною, сухою формою, требуют литературной тщательной отделки от статей, отделки, с которою иной пастырь церкви никогда не был знаком. Мы знаем положительно, что некоторые из священников, обольщаясь красноречным приглашением той или другой редакции, посылали свои статьи; но они пропадали там без вести по целым годам,¹ хотя редакции давали публично честное слово уведомлять каждого автора. Этим, разумеется, отбивается охота посылать статьи. Знаем факты ещё и хуже этого. От некоторых редакций возвращались авторам статьи, по всем дистанциям, начиная с высших до низших, с изъяснением, «что даже статья найдена неудобною к печати, за неимением литературных достоинств», — и низшая дистанция, благочинный, очень умильно подсмеивался, отдавая статью; даже, для большего эффекта, читал резолюцию редакции товарищам автора. Ну, на что это похоже? Поднимется ли после этого рука писать ещё? Нет, для литературной деятельности пастыря церкви нужно сделать просторное средоточие, где бы не взыскивали с него за литературные недостатки, а дорожили бы фактами, как богатыми материалами для уразумения жизни народной: учиться писать литературно, изящно ему уже поздно, когда не научили его тому в Семинарии. Где же открыть такую редакцию для пастырских известий? Всего лучше в семинарском правлении — и отдать эти известия в распоряжение тем профессорам, которые учат пастырским наставлениям. Из этих известий они и сами могли бы лучше познакомиться с жизнью народа и ознакомить с нею своих воспитанников. Лучшие известия пастырские могли бы печататься в епархиальных ведомостях, издание которых есть величайшее благо для епархии. Если бы только пробудить деятельность пастырей (а она пробудится непременно, если не будут стеснять их в этом формальностями), с каким бы рвением принялись они за это дело! Сколько бы добра сообщили они! Сколько бы высказалось прекрасных талантов, которые теперь гложут в каком-нибудь захолустье от безвыходности положения! Тогда бы всю епархию можно было разделить по частям и в нравственном отношении, и в каждой части можно бы было знать, какой доброй стороны в народе искать и какую худую сторону обличать и исправлять в духе любви Христовой.

Вот наши мысли о семинарском образовании в приложении к делу проповеди.

В «Отечественных записках» (1861 г. за июль) пишется: «Прежде всего нужно похлопотать о том, чтобы звание советников и учителей народа доставалось не по наследству, а только тем, кто чувствует потребность советовать и учить; потом нужно предоставить и людям, которые ищут совета и учения, выбирать себе учителей по сердцу. Тогда только раздастся у нас живая проповедь, и только тогда можно рассчитывать на её действие...» Таким образом, по совету «Отечественных записок», нужно сделать два дела для оживления действия проповеди: 1) чтобы в пастыри церкви шёл из всякого сословия, кто только чувствует потребность учить, и 2) чтобы пастыря церкви могли выбирать сами прихожане. Кажется, так мы поняли «Отечественные записки». Посмотрим на то и другое положение.

- с. 300 1. «Чтобы звание советников и учителей народа доставалось не по наследству, а только тем, кто чувствует потребность советовать и учить». Мысль эта, очевидно, направлена против того, что ныне священнические места занимают лица одного духовного сословия. Что ж, по нашему, за беда в этом? Ведь и из кончивших курс Семинарии, ведь и из лиц духовного сословия не все поступают на места духовные. Кто не чувствует призвания в себе, тот идёт в светское звание — и служит там. Воспитание семинарское не ставит семинариста в безвыходное положение, а предоставляет ему полное право поступить в то или другое звание. Стало быть, большинство их (семинаристов) выходит на места духовного звания с призванием, или, по крайней мере, с желанием служить в духовном звании. Разумеется, семинаристы идут больше на места духовного звания, так как оно им знакомее; в нём они выросли; в нём их отцы, родные; к нему они готовились с малых лет. Следовательно, если кто по окончании курса выходит на священническое место, то уже выходит более или менее приготовленным, с большим или меньшим желанием служить в духовном звании. Что многие впоследствии не соответствуют своему званию, то это, во-первых, от того, что исключений очень много и в каждом сословии,

¹ Подобные явления большею частью имеют самые уважительные причины со стороны редакций, и совершенно чужды всякой неблагонамеренности или несочувствия к требованиям жизни. (Примечание редакции.)

а во-вторых, виною этому бывают часто не они сами, а частью замкнутость семинарского воспитания, частью необеспеченность духовенства.

Предоставить духовные места и лицам светского звания? — Видимая сторона этой мысли добрая, то есть при этом имеется в виду рациональное сближение духовенства с светским классом людей. Но в настоящее время это ещё неприложимо к делу. Как узнать искреннюю расположенность к духовному званию в светском человеке? С малых лет, когда ещё сознание у него не развито? Но не будет ли это очень поспешно? — Тогда, когда он придёт в меру возраста? Но не будет ли это уже поздно? Теперь семинаристы, как бы то ни было, готовятся к духовному званию особенным образом, запасаются нужными сведениями с ранних лет. Что же будет делать, приняв сан священника, человек светский, не приготовленный к тому, не изучавший курса богословских наук? Притом же наш народ ещё не так воспитан, цивилизован, чтобы доверился всякому и без потрясений допустил безразличие сословное. Если он ещё привык держаться старинки, если вообще не так приветливо жалуется всякое нововведение, даже и полезное для него: то нововведение в церкви Божией он не пропустит даром; нет, он довольно покосится на это дело, а расколоучители воспользуются этим, перетолкуют, как им хочется... И если теперь совращают в раскол десятками — тогда будут совращать сотнями. Подготовьте сперва народ, а потом уж и думайте о тех, кто чувствует потребность быть в духовном звании, из светских.

с. 301

Но вы откроете при университетах богословские факультеты, где будут возрастные специально готовиться к пастырству? — Очень хорошо. Но вот что: как бы не соскучили эти богословы-университанты бедною, по материальным средствам, должностью пастыря церкви. Кроме чувства потребности советовать и учить, надобно иметь великое самоотвержение, чтобы питаться *подаянием*, по большей части не удовлетворяющим и насущным потребностям пастыря церкви. Нет, у нас ещё не выяснена та высокая идея, чтобы учиться из одной любви к науке, чтобы служить из одного желания оказать истинную пользу человечеству. Из-за чего главным образом учатся в университетах? Из-за того, чтобы со временем повыгоднее занять место. Что значат повсюдные жалобы на скудость своего положения, это недовольство даже прибавкою жалованья, — если не то, что у нас больше развита материальная сторона жизни? Да и не обольщаются ли светские одним только желанием — в духовном звании найти удобства к жизни и покой. Пусть не смотрят на места и жизнь столичных священников и других богатых мест. Таких мест немного, и едва ли найдётся мест 15 в самой обширной епархии. По большей же части места священнические, бедные места, не приносящие доходу более 100—200 рублей серебром. Есть очень много приходов, доходы которых не восходят и до 100 рублей серебром. Например, пишуший эти строки имеет в своём приходе, в городе, только 43 души мужеского пола и с младенцами: 6 душ купеческого сословия, 9 статских и 28 мещанских. Доходу в год на весь причт от прихода бывает только до 30 рублей серебром, так что если бы не усердие других прихожан, то невозможно было бы существование церкви и причта. Согласится ли богослов-университант, при такой крайней бедности, служить честно? Для человека из духовного звания бедность эта не новость. Мы выросли в ней, знаем её с самых ранних лет, знаем, что и впереди ожидает она же; потому и терпеливо сносим её. Нет, доколе не обеспечено будет духовенство, — доколе не изъято будет от необходимости питаться одним бедным подаянием своих прихожан; до тех пор нечего и думать светским о местах духовного звания. Скоро соскучат они терпеть эту бедность, не захотят университетанты-богословы пахать землю, чтобы питать насущным хлебом своё семейство.

с. 302

2. Ещё более нельзя согласиться с другим положением «Отечественных записок», то есть «чтобы предоставить прихожанам право выбирать себе по сердцу советников и учителей». Как прихожане узнают, что этот семинарист им придётся по сердцу, а этот нет? Ведь семинаристы учатся вдалеке от них; как же будут выбирать их прихожане? Опять должны обратиться к тому начальству, у которого воспитывались они? Но это будет походить на прежнее с малым изменением. Совершенно отдать выбор на волю прихожан? Но вот мы знаем отчасти, как сами прихожане, из простого звания, выбирают себе пастыря церкви, когда это случается по каким-нибудь местным обстоятельствам. «Давай нам такого-то попа!» — кричит крестьянин. И кто же этот желанный? Тот, кто готов разделять с ними ястие и питье, — с которым бы они не церемонились в обращении, который не взыскивал бы с них ни за что, прощал им всё и, довольствуясь их хлебосольством, чтоб не сказать бражничаньем, забывал с них брать за требы: вот и давай такого попа! Мужу не надобно умного, благонравного, трезвого священника; ему тяжёл кажется такой; ему надобен священник попроще, походнее, подоступнее, с которым жил бы он сложа руки, вёл себя как угодно. Этот тяжёлый взгляд крестьян очень часто

с. 303

приходится встречать молодому священнику, сменившему какого-нибудь старичка. Потчует, например, крестьянин у себя в доме молодого священника водкой; этот не пьёт. «Эх, вот уж это не по-нашему, — ворчит хозяин; — дай Бог здоровье (или царство небесное) твоему (отцу или тестю): тот и сам выпивал и нам позволял». Вот в селе или деревне есть какое-нибудь обыкновение, совершенно неприличное христианину, например буйные и разгульные песни в пасхальные дни. Молодой священник вооружается против этого. «Больно строг! — вопиет буйная толпа; — почище его был N, да ничего не говорил». И таким прихожанам желают предоставить право выбирать себе по сердцу пастырей церкви? Попробуй избранный прихожанами пастырь восстать против них с церковною проповедью, они тогда прямо скажут ему: «А ты нас не задевай; ты по милости нашей попал сюда в попы; коли не хочешь с нами жить, не трогая нас, ступай; мы другого сыщем!» Избранный прихожанами пастырь должен будет во всё время своего пастырства носить в душе тяжёлую мысль, что его выбрали прихожане, что за это благодеяние их он должен потворствовать им, услуживать, часто вопреки своей совести, отказываться, иногда поневоле, от иных убеждений, весьма нужных и полезных для паствы. Не знаем и не видим, отчего тогда раздастся у нас живая проповедь?! Вот наши мысли на предложения «Отечественных записок»!

с. 304

Но, полагая причину бесплодности проповедей в семинарском воспитании и в других обстоятельствах, имеющих влияние на проповедь, — мы в то же время не можем вполне согласиться и с «Православным обозрением», которое, говоря об этой бесплодности, совершенно опускает из виду отношения к проповеди народа (слушателей). «Вина этого (то есть неблагоприятного влияния проповеди) не в народе», — говорит оно. — Но ведь и теперь говорятся живые и назидательные проповеди; а всё-таки благотворного влияния на народ очень мало. Нет, — много, очень много вины и в самом народе. Разделим, для лучшего обсуждения, слушателей на две категории: на так называемых образованных людей — светских, и не получивших образования — простых людей.

I. Если где слово пастыря не находит для себя доброй почвы, то именно в классе образованных и светских людей. Однажды сделавши невыгодный взгляд на проповедников, они всегда смотрят на них с предубеждением и встречают их на церковной кафедре очень неприветливо. Некоторые дожидаются проповеди как времени, назначенного для выхода из церкви; другие смотрят на проповедь как на вещь, вовсе к ним не относящуюся, и позволяют себе во время её рассуждать о чём им угодно; третьи слушают проповедь, но слушают без внутреннего признания и сердечного усвоения возвещаемых религиозно-нравственных истин. «Славно ныне сказал батюшка проповедь!» — скажет барин, чиновник, военный и тому подобные; но в похвале этой звучит голос не слушателя благочестивого, — но голос критика, дающего знать о себе, что и он в свою черду может судить о проповеди. Дело Божие выходит, таким образом, чисто человеческим, даже коммерческим. Проповедник приносит на кафедру проповедь как товар, который слушатели должны оценить по своему усмотрению. Приглянулся товар — хвалят, — не показался чем-нибудь — не хвалят. О влиянии проповеди на сердце — речи нет. Западают иногда в голову некоторые мысли из проповеди; но не на радость: в этом случае коммерческая оценка принимает большие размеры. «В проповеди ныне говорилось вот что, — говорит, например, N. своей братии; — так ли это?» Вот и пошёл разговор, вот и пошли суждения, которые, разумеется, всегда построиваются не на основании слова Божия и учения Святой Церкви; но на том, кому как хочется и вздумается судить. В пользу или не в пользу проповедника завершится их суд — всё равно; результат выйдет незавидный: проповедь подала им повод только к разглагольствиям, не возбудила нравственной стороны духа, не тронула сердца. Этому классу слушателей нужны не религиозные мысли, не чувство нравственное, не назидание, а театральность. Привыкнув в жизни видеть больше один внешний лоск, паркет, они желают видеть этикет и на церковной кафедре. Если этого не будет — проповедь потеряла для них своё значение, несмотря на внутренние свои достоинства. Старец выйдет проповедовать, говорят: отсталый человек! Молодому говорят: ещё молод учить нас! Надобно много иметь совершенства и искусства, чтобы угодить этому классу. Говорим: угодить только; потому что и это немало будет значить; по крайней мере они не будут иметь отвращения от проповеди. Будут слушать — может случиться, что Слово Божие как-нибудь и западёт в их сердце. Когда же можно заставить этих слушателей внимать проповеди, с нравственною пользою для себя? Опять и здесь надобно обратиться к пастырю церкви — так как всегда винят одного его.

с. 305

с. 306

Одного искусства проповеднического здесь, очевидно, мало. Проповедь пастыря церкви, пожалуй, и похвалится; но без пользы для души. Сперва нужно позаботиться пастырю церкви

о том, чтобы слушатели изменили предубеждённый свой взгляд на него в обыкновенной, обыденной своей жизни. Для этой цели нужно бы, чтобы пастыри церкви не жили замкнуто, не составляли бы отдельного кастообразного существования. Нет, — пусть священник входит в общество, не дичится быть со светскими, где ему можно быть по званию пастыря, например на браках, именинах, крестинах и тому подобном. Пусть он рассуждает с ними о современных вопросах, занимающих общество. Тогда он и в обыкновенной жизни будет считаться лицом не лишним, но таким, с которым можно поговорить; тогда и к проповеди его не будут глухи. Но при этом общении с светом пастырю церкви надобно быть очень осторожным. Беда, если он забудет своё высокое звание пастыря, до того делается угодливым, что главным его старанием будет подделываться под тон и мнения света. Нет, он должен действовать и здесь без ущерба святой истине. Из-за каких-нибудь рекомендаций, из угождения двум, трём лицам светским, хотя б и сильным, он не должен уступать их убеждениям, если они противоречат истине Божией. Он и здесь никогда не должен опускаться из виду — единого на потребу — Христа; всегда должен быть проникнут мыслию, что он учитель, призванный Христом, проповедник и защитник истины Христовой. Пусть его любят как человека, не чуждающегося общения с людьми; пусть его уважают и как служителя Христова. То и другое должно быть соединено в его жизни; одно без другого будет крайность. Если пастырь погонится за одною светскостию, будет добиваться одного угождения людям, то в его лице священник потеряет своё достоинство; в нём будет отражаться измена и предательство истины Христовой. Если пастырь забудет людей, будет вести себя сухо, безжизненно, знать только себя; то он будет тяжёл для общества: общество ему будет казаться не тем, что оно есть, и, таким образом, он не визнает нравственных нужд его. — Нет, — пусть священник и в обществе будет пастырем и отцом; пусть беседа его будет беседою отца с детьми; пусть общество обращается к нему с доверием, с искренним усердием, как к истинному отцу духовному, своему другу и благодетелю. Тогда пребывание его в обществе будет полезно и для него самого и для других; тогда беседа его в обществе будет продолжением церковной проповеди. Нескоро этого достигнет пастырь; много, много придётся ему вытерпеть, выстрадать, — придётся ему услышать и *глагол зол*. Но он не должен раздражаться всякою неправдою, не должен принимать всё с желчию и поддаваться первому впечатлению и внушению гнева, не должен отвечать с колкостию и презрением. Нет, мир и любовь, как у Сына Божия, должны обитать в его сердце. С терпением он должен выслушивать, иногда явно ложные, убеждения светских людей, в духе любви и мира должен исправлять их. Пусть он не смотрит на них как на всегдашних, непримиримых врагов себе и святой истине; но пусть видит в них чад Христовых, запечатлённых святым помазанием, которых он должен с кротостию приводить ко Христу, а не запугивать и отталкивать от себя. Пусть, из такого поведения пастыря церкви, светские поймут сами собою, что это служитель Божий, на которого от Самого Господа возложена обязанность спасать верующих от заблуждений и пороков. Тогда, и конечно, и этот класс слушателей будет с пользою для своей души внимать церковной проповеди.

с. 307

II. «Вина не в народе (простом), — говорится в „Православном обозрении“ о бесплодности проповедей; — он теснится к налою, когда священник хочет говорить проповедь». Да, действительно, простой народ наш не выходит из церкви во время проповеди, как люди высшего класса. Он осеняет себя крестным знаменем вслед за священником, стоит смиренно во время проповеди и низко кланяется проповеднику по окончании её. Но из этого нельзя ещё заключать о внутренней восприимлемости народа к религиозно-нравственным истинам. Два явления, особенно рельефно выдающиеся, замечали мы в простом народе вследствие слушания проповеди. На одних проповедь оказывает благотворное действие; но это бывает у натур простых, с тёплым от природы чувством и не испорченным сердцем. Такие усердно слушают и плачут во время проповеди, — но плачут не от того, чтобы самая проповедь была им по сердцу. Нет, им достаточно одних священных наименований, одного произнесения сладчайших имён — Иисуса Христа и Божией Матери, чтобы воспламенить их чувство; довольно одного обращения к образу Иисуса Христа, Божией Матери и святых, чтобы пробудить в них слёзы умиления. Но таких, крепких нравственною жизнью, натур очень немного. Большая же часть из простого народа слушает проповедь так, просто — по привычке слушать, и действует здесь одною внешнею стороною. Такие сами не знают, для чего говорят им проповеди, чего от них ждать, что по ним делают; слушают потому, что нечего ещё им больше делать: так слушали их деда и прадеды. Выходят из церкви такими же, какими пришли: ни в голове мысли, ни в сердце чувства у них не запало. Бывает, впрочем, что и они судят о проповеди; но суд этот не выходит из ряда внешней обрядности. «Вот так славно ныне батюшка сказал проповедь; ну, уж мастер говорить», — скажут они. Но спросите их после этого: о чём он (батюшка) говорил ныне? Чем понравилась

с. 308

с. 309

проповедь? — Вам ответят: «Уж мы не знаем, о чём он там говорил, только больно хорошо — громко и складно!» Вот и весь тут плод слушания проповеди. А сердце всё не затронуто; болезням нравственным не сделано полезной и нужной операции. Пришёл такой благочестивый слушатель из церкви в свою деревню — и опять принялся за прежнюю обыденную жизнь. Простой народ так свыкся с своею жизнью, с своими правилами и обычаями, что вне их ничего не считает для себя обязательным, не знает и не ведаёт высших начал и духовных потребностей души и жизни. Он живёт на земле и видит одно земное; что не касается лично его земных интересов, то не считает своим, хотя и верует в то и не отвергает на словах ничего. И какие проповеди ни говорите ему, — дело знания и усвоения истин религиозно-нравственных очень мало подвинется вперёд. Проповедь сказывается в церкви, по праздничным и воскресным дням, без повторения одного и того же; — как же запомнить и усвоить ему — проповедуемое? Ведь в церкви не все и не всегда могут быть прихожане; что же будет значить отрывочное и нечастое слушание их? Ведь церковь есть такое место, где самая святость его не позволяет Пастырю входить в близкие и открытые собеседования с своими прихожанами о всех их нравственных болезнях; ведь проповедь в церкви пишется сперва на тетрадку, носится к цензору, — и уж эту одну формальностью бывает стеснена, сжата так, что уже не может быть искреннею? Нет? для обучения простого народа истинам веры и усвоения ими правил христианской нравственности мало, недостаточно одной проповеди в церкви. В этом отношении мы сознаём настоятельную нужду и величайшую пользу в заведении училищ и воскресных школ для простого народа, если они будут проникнуты религиозно-нравственным духом. Пусть узнает простой народ хотя начатки Православной веры. А теперь, ведь страшно сказать, не только в каких-нибудь захолустьях, но и в сёлах торговых и подгородных очень многие не имеют и малейшего понятия о Пресвятой Троице, о Иисусе Христе и Божией Матери. Ну, многому ли научится такой безграмотный народ из проповеди церковной, особенно тогда, когда она говорится всего раза два, три в год. Пусть же прежде узнает он о главных предметах святой Веры и нравственности с ранних лет, — и это будет лучшим подготовлением к полезному слушанию проповеди церковной.

с. 310

И проповедь пастыря церкви, назначаемая для простого народа, должна быть близка к жизни и потребностям его. Она должна быть частою и не должна ограничиваться одною кафедрою церковною, а должна быть вносима в селения и дома христианские. Она не должна быть одним внешним исполнением должности пастыря, а должна изливаться как необходимое следствие потребности его духа, его жизни, его пастырского звания. Какое-то особенное чувство испытывает проповедник, когда ему нужно говорить проповедь; как неестественно тогда он чувствует себя, делает особенное усилие мысли, чувству при обсуждении её, так что жизнь пастыря и проповедь его выходят две вещи — совершенно отдельные; сказана проповедь — значит, сделано дело какое-то особенное, которое может быть не всегда, а только несколько раз в году. Сказана проповедь — и жизнь пастыря пошла своим чередом, отдельным от проповеди. Нет, вся жизнь пастыря церкви должна быть проповедью Христовой истины; — проповедь должна наполнять все силы его души, быть живою потребностью её, так, чтобы и дела семейные пастыря и обязанности жизни обиходной были одухотворены и не заглушали в нём духа Христова. Пусть всякое сношение его с своими прихожанами будет назидательно для них; каждое исполнение треб пусть будет случаем учить. Тогда он лучше сблизится и с своим народом, лучше вызнает нравственные нужды его, — и народ будет доверчивее к нему, будет лучше уважать и любить его, — потому что будет видеть в нём не внешнего только исполнителя треб его, но учителя и руководителя своего, искреннего друга и советника. Тогда поистине будет едино стадо и один пастырь! И проповедь в церкви будет уже не медью звенящею.

с. 311

Нелёгкое дело оживить проповедь пастыря церкви. Нужно, как видели, многое сделать для этого. Но ведь надобно же когда-нибудь взглянуть на это дело посерьёзнее, — когда-нибудь да надобно же вывести его из того жалкого положения, в каком оно находится теперь. Проповедь пастыря есть один из лучших проводников религиозно-нравственных истин в народе, есть осязательнейшее свидетельство образования духовенства и влияния его учебных заведений. Всё и везде требует проповеди, — но проповедей не слушают, или слушают, да без пользы для души — и во время проповеди, в глазах проповедников, бегут от неё из церкви... Как не задуматься об этом, как не искать средств изменить это положение вещей?